

ПАНАЕВ В. П. — ВИНАВЕРУ М. Л.

ПАНАЕВ Владимир Павлович, родился в 1872 (из дворян). Окончил Московский университет, востоковед, лингвист, архивариус, художник. До революции служил в Удельном ведомстве, позднее — в Мариинском ведомстве, занимавшимся благотворительностью. Автор серьезного труда по Японии (издан в 1913). В 1920 — проживал в Москве, был на пенсии. 14 августа 1930 — арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 23 ноября приговорен к 5 годам ИТЛ, в январе 1931 — отправлен в Вишерлаг¹. 10 мая 1931 — после пересмотра дела освобожден из лагеря досрочно с ограничением проживания на оставшийся срок (-12). Поселился в Борисоглебске Центрально-Черноземной области. В октябре 1932 — обратился за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу.

<20 октября 1932>

«В Политический Красный Крест
Михаилу Львовичу Винаверу

Панаева Владимира Павловича,
находящегося на учете
Борисоглебского Отдела ОГПУ и
проживающего в Борисоглебске
Ц<ентрально>-Ч<ерноземной>
О<бласти> по Дровяной ул<ице> 7

Заявление

14-го августа 1930 г<ода> я, совершенно больной старик, задолго уже до того лечившийся в Донской Психиатрической Больнице в Москве от сильной формы пресинильного(???) психоза (о чем имеются все данные в моем деле), совершенно неожиданно был арестован органами ОГПУ и препровожден в Бутырскую тюрьму. Там мне было предъявлено следователем обвинение по ст<атья> 58-4 и 58-11, конкретно выразившееся в якобы моих родственных сношениях с кардиналом, правой рукой Папы Римского, и получении огромных денежных средств для раздачи таковых белогвардейцам.

Между тем я никогда никакого кардинала в своей жизни не видел и, живя на виду всех окружающих, существовал с моей семьей — женой и сыном-ребенком на мою законную, скромную пенсию, ниоткуда не получая никаких денег и тем паче из-за границы для таких специальных контрреволюционных целей.

Пораженный такими несправедливыми обвинениями я настолько сильно заболел, что был переведен из тюрьмы в больницу ММЗ, где и пробыл на излечении 6½ месяцев.

Между тем за это время мне было объявлено постановление Коллегии ОГПУ от 23 XI 1930 г<ода>, приговорившей меня уже не по вышеуказанным статьям, а по ст<атьям> 58-6 и 58-10 к заключению в Конц<ент-рационный> лагерь — сроком на 5 лет. Обвинение меня в данном случае в шпионстве было столь же неосновательно, как и предъявление 58-4 и 58-11, по-видимому, отпавших сами собой при ведении моего дела. Что же касается ст<атьи> 58-10, гласящей об агитации, то возможно, что когда-либо, где-нибудь в частной беседе, но отнюдь не в собраниях, которых я по болезни не посещал, я и высказался критически о каком-либо явлении современной жизни, и потому с большой натяжкой эта статья и может быть поставлена мне на вид.

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Во всяком случае, что серьезных государственных преступлений с моей стороны не было и быть не могло, явствует уже из того, что 10-го Мая 1931 та же Коллегия, пересмотрев мое дело, освободила меня от заключения в концлагере, назначив мне административную высылку -12.

Покинув Вишерский Лагерь, где я за короткое время и моими художественными работами и поведением зарекомендовал себя в глазах начальства, я переехал по собственному выбору в Борисоглебск Ц<ентрально>-Ч<ерноземной> О<бласти>, полагая, что как климатические условия, так и жизненные обстоятельства благотворно отразятся на моем расстроенном здоровье. Однако, как это видно из мед<ицинской> справки врача местного Домзака Грибановского, здоровье мое настолько пошатнулось, что мне вновь требуется не только специальное лечение, но и постоянный уход. Но так как ни того, ни другого получить в Борисоглебске не могу, то я и принужден был возбудить целый ряд нижеуказанных ходатайств о разрешении мне переехать на жительство в г<ород> Алма-Ата, где бы я мог получить и специальное лечение, и уход, тем более, что этот город, являющийся определенно ссыльным пунктом, вряд ли может быть запретным для моего проживания.

Эти ходатайства были посланы

15 VII с<его> г<ода> начальнику Особой Инспекции ОГПУ в Москву с приложением подлинной мед<ицинской> справки Д. Грибановского.

16 VIII с<его> г<ода> уполномоченному Борисоглебского Отдела ОГПУ.

27 IX — ему же.

4 X — помощнику начальника ОГПУ тов<арищу> Ягоде.

20 X — уполномоченному Пред<ставительст>ва ОГПУ в Воронеже.

22 X — начальнику Борисоглебского Отдела ОГПУ.

и до сих пор ни на одно из низ не последовало определенного ответа.

Ввиду сего, прослышав о чувстве Вашей особой справедливости и гуманного отношения к страждущим подчас, как в данном случае определенно я, благодаря несправедливым наветам со стороны своих недоброжелателей и, возможно, несчастно сложившимся для них обстоятельствам при ведении следствия, я и решаюсь обратиться к Вам с усиленной просьбой войти в тяжелое положение совершенно одинокого, беспомощного, больного, полуголодного 60 летнего старика и исходатайствовать мне досрочное освобождение.

По сей день истекает почти половинный срок (2 г<ода> 3 мес<яца>) моих тяжких страданий, которые, по своей суровости, вряд ли соответствуют моей минимальной виновности по ст<атье> 58-10, равно как и моему происхождению. Я происхожу из семьи, давшей целый ряд крупных литераторов, ближайших друзей и сотрудников Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Огарёва и мн<огих> др<угих>, а о моей тетке А. Панаевой, вышедшей замуж за поэта Некрасова, я и являюсь племянником известного народного поэта.

Еще раз усиленно прошу Вас, Михаил Львович, войти в мое положение и избавить меня от дальнейших непосильных страданий.

В. Панаев.

Борисоглебск.

20. X. 1932.

При сем копия мед<ицинской> справки»².

Осенью 1933 и весной 1934 — Владимир Павлович Панаев находился там же и дважды обращался за помощью в Помполит³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 729. С. 204-205. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1000. С. 283-286; Д. 1078. С. 47-51.